

АССИРИЙСКИЙ ПОХОД В УРАРТУ В 714 г. ДО Н. Э.

КОНСТАНТИН ОГАНЕСЯН

В 714 г. до н. э. Ассирия, это мощное древневосточное государство, вступило в борьбу с Урарту. Историческая жизнь этих двух соседних государств постоянно сопровождалась крупными военными столкновениями, однако война 714 г. до н. э. во многих своих аспектах остается весьма проблематичной, поскольку ее истинная стратегическая ситуация дошла до нас преломленной сквозь призму заинтересованной ассирийской стороны.

В связи с этим цель нашей работы (путем критического анализа фактического материала)—сделать соответствующие истине заключительные выводы об этой войне, которые значительно отличаются от ранее сделанных нами выводов¹.

Сложившаяся в Урарту стратегическая ситуация была обусловлена неблагоприятными симптомами ее внутривнутриполитической и военной жизни. Это было в царствование Русы I, когда страна, потрепанная киммерийским нашествием и потрясаемая мощными силами центробежных сил в лице урартских вельмож—областнаачальников, в числе которых находились Каккадану—первый туртан (главный военачальник) урартского войска и второй туртан Урцапе, руководившие восстанием. Урарту, таким образом, переживало довольно сложную внутривнутриполитическую ситуацию. Но в конечном счете ценою больших усилий Руса I добился победы над коалицией. В связи с этим отметим, что, быть может, надпись в мусасирском храме, оделанная на скульптурном изображении стоящего в колеснице Русы I, гласящая: «С моими двумя конями и одним колесничим рука моя овладела царской властью Урарту», является не намеком на узурпаторство власти, как полагают некоторые исследователи, а возможно, в ней сформулирована идея победы Русы I именно над этими центробежными силами, и слова «овладел царской властью Урарту» надо понимать как «сохранил» или «закрепил» эту власть и что в этой схватке, которую ассирийцы характеризуют как «большая резня» в стране, он покинул поле битвы победителем именно на своей колеснице.

Данная ситуация в стране благодаря хорошо действующей ассирийской разведке была известна Саргону II, который отнюдь не случайно избрал для своего похода на эту страну именно 714 г. до н. э.

Для того, чтобы объективно разобраться во всех элементах стратегии этой войны, следует критически отнестись к ассирийским источникам, сделав исключение лишь для разведывательных донесений и сводок ассирийских агентов и разведчиков, которые в силу практической необходимости фиксировали все события и состояние дел в Урарту со всей объективностью. Саргон II имел строго организованную разведывательную сеть, в которую входил и его наследник Синаххериб, держащий в своих руках ответственный узел этой службы и направлявший выявленные данные в виде разведывательных сводок царю лишь после их дублированных подтверждений.

Как урартская, так и ассирийская армия состояла в основном из четырех родов войск: пехоты, конницы, боевых колесниц, саперных подразделений с таранными приспособлениями на колесной тяге. Пехота в свою очередь подразделялась на тяжеловооруженную (копьеносцы) и легковооруженную (лучники, пращники и копейщики) части. Кроме них, на рельефах балаватских ворот показан вид пехоты, которую мы

¹ К. Оганесян, Ассиро-урартское сражение на горе Уауш (714 г. до н. э.) (*«Պատմա-բանասիրական հանդես», 1966, № 3*).

называем «транспортной пехотой», передвигающейся на повозках, в которых в два или три ряда сидят лучники². Значительную роль в обеих армиях играла конница, действовавшая как в конном, так и в пешем строю. Важным родом войск были подразделения боевых колесниц, являющиеся грозной и мощной силой армии, использовавшиеся в целях преследования противника.

В войну 714 г. до н. э. Урарту, Зикирту, а также Мусасир образовали коалицию против Ассирии, к которой примыкали и некоторые мелкие царства, расположенные восточнее Урмийского озера. О них Саргон II говорит так: «Метатти, зикиртец, что издавна ему (т. е. Русе I) пособлял и на помощь ему созывал всех окрестных горных царей»³. По всему видно, что эти восточные регионы представляли гордые узел в ассиро-урартских политических взаимоотношениях.

Урартская разведка своевременно донесла Русе I о выступлении Ассирии против Урарту. Весть о наступлении была получена от гонцов из стран Андии, Зикирту: «Против нас царь Ассирии». Не теряя времени, Руса I, взяв с собой воинов, немедленно направился в сторону Зикирту, углубившись в ее территории на 5 переходов. Это была рекогносцировка местности, произведенная на большую глубину. Здесь должен был раскинуться будущий театр военных действий. Вернувшись с рекогносцировки, Руса I собрал военный совет вельмож и изложил им в виде приказа свое решение: «Собирайте свои войска для уничтожения царя Ассирии, построю [мои войска для] движения, потому [и] вы построите [ваши войска] для движения»⁴. Комментарии Саргона II к этому стратегическому плану Русы I сводятся к следующему: «Сразиться в открытом бою, поражение войск Энлиля и Мардука он задумал бесповоротно». Затем он скажет «возомнил себя равным моей силе»⁵. При этом Саргон II неоднократно говорил о войске коалиции как о многочисленном. Итак, Руса I прибег не к пассивной обороне, а к наступательным действиям, маневренным полевым сражениям. Следовательно, захватнические планы урартов с самого начала войны 714 г. до н. э. не вызывают сомнений.

При внимательном рассмотрении тактических маневров этой войны становится ясным, что обе стороны хорошо ориентировались в видах боя, в их особенностях, предпочтениях и возможностях. Мы имеем в виду марши—обычный и форсированный, организованный переход войск, формы его движения на равнине и в горной местности, затем оборону, обычную и подвижную, встречный бой, отступление и преследование, скрытые действия войск и т. д.

Итак, ассирийцы из своего исходного рубежа, города Калху (совр. Нимруд на Тигре), в июне-июле 714 г. до н. э. выступили в поход против Урарту. Их стратегические устремления, надо полагать, прежде всего были predeterminedены политическими мотивами, а именно—желанием изолировать Зикирту и указанные мелкие царства от Урарту, т. е. разрушить коалиционный союз. Исходя из такой позиции, Саргон II по пути своего следования закреплял политические узы с парями, не довольными урартами, сея вражду между ними, давая при этом дипломатические обещания в виде заверений о разгроме Урарту. На чем бы ни были основаны взаимоотношения этих царей с Саргоном II—на истинном ли стремлении поддержать ассирийцев в их борьбе против Урарту или на страхе, внушаемом ими, известно лишь одно—Саргон II по пути своего продвижения получал колоссальные дары в виде боевых коней, рогатого скота, зерна, вина и др., превращая этих царей в своих данников. Так, мирных жителей горных районов Гизильбунды он превратил в своих данников, оставив там своего надзирателя «для благополучия их страны»⁶.

² «Assyrische palastreliefs», Text von R. D. Barnett, табл. 133, 135.

³ И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту («Вестник древней истории», 1951, № 2, с. 324, далее—АВИИУ).

⁴ «Хрестоматия по истории Древнего Востока» (далее—«Хрестоматия...»), М., 1963, с. 342; ВДИ, 1951, № 2, с. 325.

⁵ ВДИ, № 2, с. 324.

⁶ Там же, с. 323.

Почти в начале своего пути, в области Сумбу, Саргон II устроил смотр своего войска⁷. Затем, сделав несколько переходов, он вновь остановился, теперь уже у большой крепости Панзиш манейского царя Уллусуну. Как поясняет Саргон II, эта крепость была «заложена для охраны против Зикирту и Андин», т. е. находилась в антикоалиционном лагере. Между тем, ранее Метатти Зикиртский был союзником Уллусуну Маншейского, но затем, сбросив ассирийское ярмо, примкнул к коалиции. Ассирийцы еще более укрепляют крепость Панзиш в целях обороны и обеспечивают ее дополнительным количеством провианта. Эти действия ассирийцев весьма примечательны, поскольку они говорят о том, что ассирийцы укреплялись в расчете на возможное отступление своих войск к этим рубежам, остающимся по ходу боевых действий далеко в тылу. От Панзиша ассирийцы вдоль восточных берегов Урмийского озера направляются на север и вскоре достигают области Аукане страны Зикирту. Здесь, в районе горы Уашдирикка, произошла первая встреча противников. Это первое сражение у Саргона II описано так: «...в страхе находился он (Метатти Зикиртский) на Уашдирикке, трудной горе, и как увидел он издали движение моего войска, оцепенела плоть его, всех людей страны своей он собрал заставил подняться с трудом в дальние горы... своих коней и бойцов он собрал (?) и послал подмогой на помощь Урсе, своему союзнику. Я перебил его грозных воинов, расположенных для охраны на перевале Уашдирикка»⁸.

Исходные тактические намерения коалиции выясняются уже с самого начала их действий, когда Метатти Зикиртский еще до столкновения с ассирийцами посылает свои основные военные силы на помощь Русе I, находившемуся далеко от места сражения и пока вовсе не нуждавшемуся в такой помощи. Совершенно очевидно, что этот маневр являлся частью общего, предварительно разработанного стратегического замысла коалиции в борьбе с Ассирией и что эта коалиция сосредотачивала свои основные силы для главного удара, намеченного в другом направлении. В этом аспекте Уашдирикка являлся лишь тактическим эпизодом в виде подвижной обороны с мелкими силами, которая преследовала цель — сковать его на этом перевале боевыми действиями местного значения и, постоянно отступая, увести в ложном направлении. Этим они стремились выиграть время для выхода основных сил коалиции во главе с Русой I к месту боевых действий, где ассирийцы были бы обращены к ним своим тылом. Ассирийцы не смогли раскрыть тактического замысла урартов и пошли за их подвижной обороной в ложном направлении. Именно эта ложная ситуация привела Саргона II к тому неверному выводу, по которому данный тактический замысел коалиции он расценил лишь как простую «охрану на перевале Уашдирикка», не усмотрев в нем его позитивного стратегического смысла.

Таким образом, инициатива боевых действий находилась в руках урартов, а оперативная обстановка для ассирийцев оставалась неопределенной. Но вскоре Саргон II получает от своей войсковой разведки сведения о находящихся к этому времени на марше главных силах урартов, и эта информация раскрывает перед ним истинные стратегические планы коалиции, навстречу с главными силами которой и направляются ассирийцы, т. е. в сторону горы Уауш, современный Сохенд, что восточнее озера Урмия. Район горы Уауш, где произошло знаменитое сражение, представляет собой горный театр военных действий. Однако приведенные Саргоном определения данной местности и климатический режим значительно утрированы и лишь показывают, насколько данная местность в качестве театра военных действий в представлениях ассирийцев, привыкших к равнинным пространствам, являлась причудливой. Гонец, т. е. разведчик, или, как их называли ассирийцы, «спешный гонец», доносит Саргону II, что где-то в ущелье горы Уауш Руса I построил свои войска и начал продвижение в сторону ассирийцев. Следовательно, как можно заключить, эту местность для сражения избрал Руса I, замысел которого в связи с этим раскрыть нетрудно. Избрав горный театр военных действий, урарты тем самым парализовали действия ассирийских грозных боевых колесниц. И они добились своей цели, ассирийцы остались лишь

⁷ АВВИУ, 49, с. 321.

⁸ Там же, с. 323.

с «единственной личной колесницей», как это констатирует Саргон II, да и ту в некоторых местах вынуждены были нести на руках. Разумеется, в данной ситуации ассирийцы не смогли использовать и свои быстроходные транспортные повозки для перевозки пехоты, что всегда увеличивало маневренность их войск при наличии дорог. Этим урартами значительно был снижен маневренный потенциал ассирийской армии. И, наконец, ассирийские войска, привыкшие к равнинным условиям, должны были с трудом переносить поход в горы. Между тем обе стороны имели и некоторое преимущество, поскольку горный рельеф создавал возможность скрытого продвижения войск, что также сыграло определенную роль в данном сражении. Итак, Саргон II начал форсированный марш в сторону продвижения урартских войск. Поход совершался довольно организованно. На марше главные силы войск двигались в средней колонне, в головной ее части царь со своей свитой. Справа и слева находились боковые колонны, которые обеспечивали главные силы от фланговых ударов. Впереди шел разведывательный отряд, в тылу находился аррьергард. Заключение о такой схеме движения ассирийских войск нами сделано со слов Саргона II, который перед самым боем на горе Уауш говорил: «...не собирал я полка моего, те, что были справа и слева... не ожидал [тех], что позади»⁹. Ассирийцы продвигались форсированным маршем. Саргон II на марше не давал отдыха своим войскам, нигде не останавливался и даже не позволял, как он говорит, утолять им жажду. Из всего этого видно, что на марше с целью постоянной готовности к боевой встрече с урартами соблюдалась самая суровая маршевая дисциплина. Ассирийцы стремились опередить Русу I и взять в свои руки инициативу действий, столь необходимую при встречном бою.

Поскольку фактор внезапности в таком бою является важнейшим шансом на успех, при встрече с урартами Саргон II уже не ждет сбора своих войск, а бросается в бой, чтобы без промедления нанести внезапный удар. С ассирийской стороны в бой вступили передовые силы главной колонны во главе с Саргоном II и отряд Синахурсур. Характеризуя свои действия, Саргон II отмечал, что «он отвратил его наступление». Следовательно, надо полагать, урартам был нанесен удар, который парализовал возможность контрудара с их стороны и тем самым принес ассирийцам определенный успех.

Каким же был этот успех? Нам кажется, что здесь был нанесен не просто мощный фронтальный удар, опрокинувший урартов, а произошел в тактическом отношении более сложный бой. Видимо, еще до соприкосновения с урартами боковые колонны ассирийцев, находившиеся в походе, независимо от главной колонны войск продвинулись и в дальнейшем на каком-то рубеже остановились и сошлись в тылу урартов, в то время как главные силы уже ввязались в бой. В таких условиях, видимо, боковые колонны ассирийцев произвели атаку двух урартских флангов, которые не были защищены от охвата и оперативного обхода, и тем самым на определенную глубину была захвачена головная часть колонны.

Важная часть урартского войска была взята в плен. По всей вероятности, все так и произошло, и только так можно понять Саргона II, детально описавшего бой: «...а его запер я в толпе (?) его стана»¹⁰. А это означает, что Руса I, идущий в голове своих войск, оказался «запертым» среди своих же войск, что не может вызвать другого толкования, кроме того, что урарты попали в окружение. В результате этой операции Саргон II захватил в плен 260 человек, принадлежащих царскому роду, доверенных лиц и областеначальников. Судя по составу пленных, ассирийцы захватили идущую в голове колонны верхушку урартской армии, что в современном понимании может означать штаб войск. Именно это и было главным результатом данного сражения; армия после этого лишилась командования и стала быстро отступать.

Примечательно, что Саргон II не говорит о разгроме урартских войск, как это обычно он делает, определяя лишь оперативную ситуацию, а именно, что он «рассеял боевые ряды» урартских войск. Это и могло произойти в условиях отсутствия руко-

⁹ Там же, с. 325.

¹⁰ Там же.

водства войсками. Тактическое упущение урартского командования состояло, видимо, в том, что урартские войска, совершая марш в одной колонне, вероятно, значительно вытянулись и в результате оказались в клещах на своих же флангах. Известно, что чем больше во встречном бою вытягивается главная колонна войск, тем слабее ее ударная сила и при внезапном соприкосновении с противником опасность для нее возрастает. А силы, вышедшие на фланги или особенно в тыл противника, всегда оказываются в смысле своих потенциальных возможностей более эффективными, как это имело место и в данном сражении на Уауше. Однако, по-видимому, урарты где-то в кольце окружения нашли брешь и, может быть, часть из них вышла из него. Во всяком случае среди прорвавших окружение был и Руса I, который, бросив свою колесницу, вышел из окружения на коне или кобыле, как иронизируют на этот счет ассирийцы.

Итак, встречный бой с последующим окружением урартов трансформировался в преследование с целью их уничтожения. Сражение на горе Уауш, таким образом, переходит во вторую свою стадию. Понятно также, что в связи с пленением командной верхушки армии уже невозможно было организовать контрманевр с целью восстановления потерянного равновесия. В этих условиях начинается форсированное отступление урартских войск в сторону горы Зимур, происходившее в близком соприкосновении с ассирийцами, теперь уже разрозненными и истощенными. Ассирийцы продолжали преследование урартов, причем отступающих непрерывно обстреливали ассирийские лучники. В этих условиях началось бегство урартов, что при фронтальном преследовании давало ассирийцам определенное преимущество. Урарты при этом понесли небольшие потери.

Между тем, в тактическом плане это было всего лишь простым продвижением за урартами, и потому оно быстро исчерпало свои выгоды и, как можно заключить, не создало почвы для полного превосходства над урартами, не получив в результате большого стратегического перевеса. По обыкновенному разумению, отступление в древних армиях часто должно было означать бегство, поскольку им не всегда был понятен тактический маневр боевого прикрытия своих отступающих войск, как это было с урартами. Но в то же время, быть может, понятие именно такого тактического маневра отражает один ассирийский рельеф, изображающий шеренги войск, продвигающихся в горах¹¹. Вероятно, это изображение и есть ассирийское прикрытие отступающих войск. Такой маневр—прикрытие своих войск—был известен египетской тактике. Как говорит, например, фараон Камос (XVII династия), во время боевых действий против гиксосов он остался в районе Сака¹².

Надо полагать, что урартские войска пришли в еще большее замешательство, когда вышедший из окружения Руса I был отброшен к центру или хвосту войсковой колонны. Но так как ассирийцами была захвачена всего лишь верхушка войск, которая фактически не представляла собой реальной боевой мощи, кроме организационной, т. е. командной, то, следовательно, армия как таковая не была разгромлена, а организационно распалась и рассеялась.

Разумеется, фронтальное преследование при бегстве урартских войск повлияло на ее боевую мощь, моральные потенции которой должны были оказаться значительно девальвированными. Но в то же время отметим, что сложный рельеф района горы Уауш не мог бы привести к таким победным результатам, как их описывает Саргон II. Надо также учесть, что обученную к горным театрам урартскую армию преследовала армия, привыкшая к равнинным просторам Двуречья.

Анализируя уаушское сражение, в известном смысле можно сказать, что оно являлось прообразом каннского. В Каннах фронт римлян не являлся для Ганнибала целью его главного удара. Подобное в конечном счете произошло и на Уауше с ассирийцами, которые достигли превосходства над урартами в результате фланговых действий своих войск. Там, в Каннах, все было построено именно на стремлении к фланговому удару с дальнейшим его развитием на всю глубину расположения войск. Ган-

¹¹ Л. Липин, А. Белов, Глиняные книги, М.—Л., 1952, с. 82.

¹² «Хрестоматия...», с. 80.

нибал мастерски использовал промах Теренция Веррона, который, располагая свою пехоту шеренгами в глубину, свел на нет превосходство своих боевых сил, подставив свои фланги под удар Ганнибала. В Уауше тактическая ситуация была близкой к этой, но здесь, как видим, все произошло стихийно в силу стечения обстоятельств.

После уаушской операции урартская армия, надо полагать, где-то сосредотачивалась. Русы I после уашюкого боя нигде не было, и даже в Тушпе, а по ассирийским данным, «достиг он краев своих гор»¹³. Отсюда становится ясным, что подготавливалась новая операция, а на промежуточных рубежах оставлялись простейшие меры охраны с ограниченными оборонными задачами, т. е. урартская армия находилась в стратегическом сосредоточении.

К этому времени ассирийская армия входит в Уишдиш, приближается к большой крепости Ушкайе, захватывает укрепленную Аништанию, затем крепости Тарун и Тармакису, причем всюду без встречи с урартскими войсками, даже без встречи с населением, без овладевая этими территориями. После этого Саргон II достигает урартского города Улху, что в районе современного Маранда, севернее Урмийского озера. Его ошеломляющие описания—«Я как ураган покрыл всю округность этой области и, как тучей, обложил ее с фланга и с фронта. Я как владыка вошел в Улху...»¹⁴—всего лишь искаженная история. В Улху и ее мощной крепости Сардурихурда не было ни урартской армии, ни населения, и потому боя как такового здесь не было. Урартское войско покинуло даже мощную крепость Сардурихурда. Но здесь Саргон II задержался. Он ограбил богатый дворец Русы I и увез даже деревянные балки от разрушенного им дворца.

Недалеко от Улху, в районе современного Суфнана, ассирийская армия остановилась, и здесь на привале раскинулся, видимо, военный лагерь. Мы полагаем, что этим лагерем было то сооружение с эллипсовым планом, которое аналогично известному лагерю Синаххериба и другим подобным ассирийским сооружениям. Но, кроме того, это сооружение лежало на пути маршрута ассирийцев в Урарту в 714 г. до н. э. и по времени совпадает с этой датой, установленной В. Клейсом¹⁵.

Затем Саргон II движется дальше, по пути своего следования разрушая и уничтожая безлюдные города и села. Но, в то же время, мощную крепость, стоящую в районе горы Арцабиа, он не трогает, не ввязывается в бой и с такими крепостями Айаду, как Аргиштиуна и Калланиа, в которых «поставлены гарнизоном его лучшие бойцы, победоносное в битвах войско, пращники (?) и копьеносцы, надежда его страны».

Из Айаду ассирийцы двинулись на крепость Уайаис, которая была «областью конца пределов Урарту». Здесь стояла «сильнейшая из всех его крепостей», в которой находились «храбрые боевые воины», а также областеначальники со своими полками, но ассирийцы и эту крепость не штурмуют, однако захватывают и убивают воинов¹⁶, т. е. дозорных с передовых наблюдательных постов, что, следовательно, не может явиться актом широкой военной операции. Между тем в крепости находилась значительная воинская сила, которая являлась частью урартской армии, т. е. ее оперативным резервом, ассирийская армия по сути отказалась от активных действий. В такой ситуации, если принять на веру то, что ассирийская армия дошла до этих мест победным маршем, остаются непонятными ее оперативная сдержанность не только в отношении возможного штурма, но и осады данной крепости. Однако ассирийцы отказались от этого и ограничились не имеющим никакого тактического значения уничтожением мелкого отряда. Нам кажется, исходя из данной тактической ситуации, можно определить и местонахождение крепости Уайаис. Это весьма важный вопрос, который может определить маршрут Саргона II на Урарту в 714 г. до н. э. (схема 2).

Как полагает Г. А. Меликишвили, эта крепость находилась на южном берегу Ванского озера, что связывается с анализом маршрута Саргона II на Урарту, о котором

¹³ Н. В. Арутюнян, Биайнили, Ереван, 1970, с. 301.

¹⁴ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, с. 104.

¹⁵ Wolfram Kleiss, Urartäische Architektur, München, 1976, S. 28—44.

¹⁶ АВИИУ, § 49; Н. В. Арутюнян, указ. соч., с. 306.

имеется ряд противоположных предположений. Саргон II сообщает, что после нескольких переходов он попадает в область Айаду, которая находилась на «берегу моря». Ф. Тиро-Данжен этим морем считает Ванское озеро и заключает, что Саргон II обогнул это озеро с севера¹⁷ (схема 1). Леман-Гаупт полагал, что Айаду находилась на

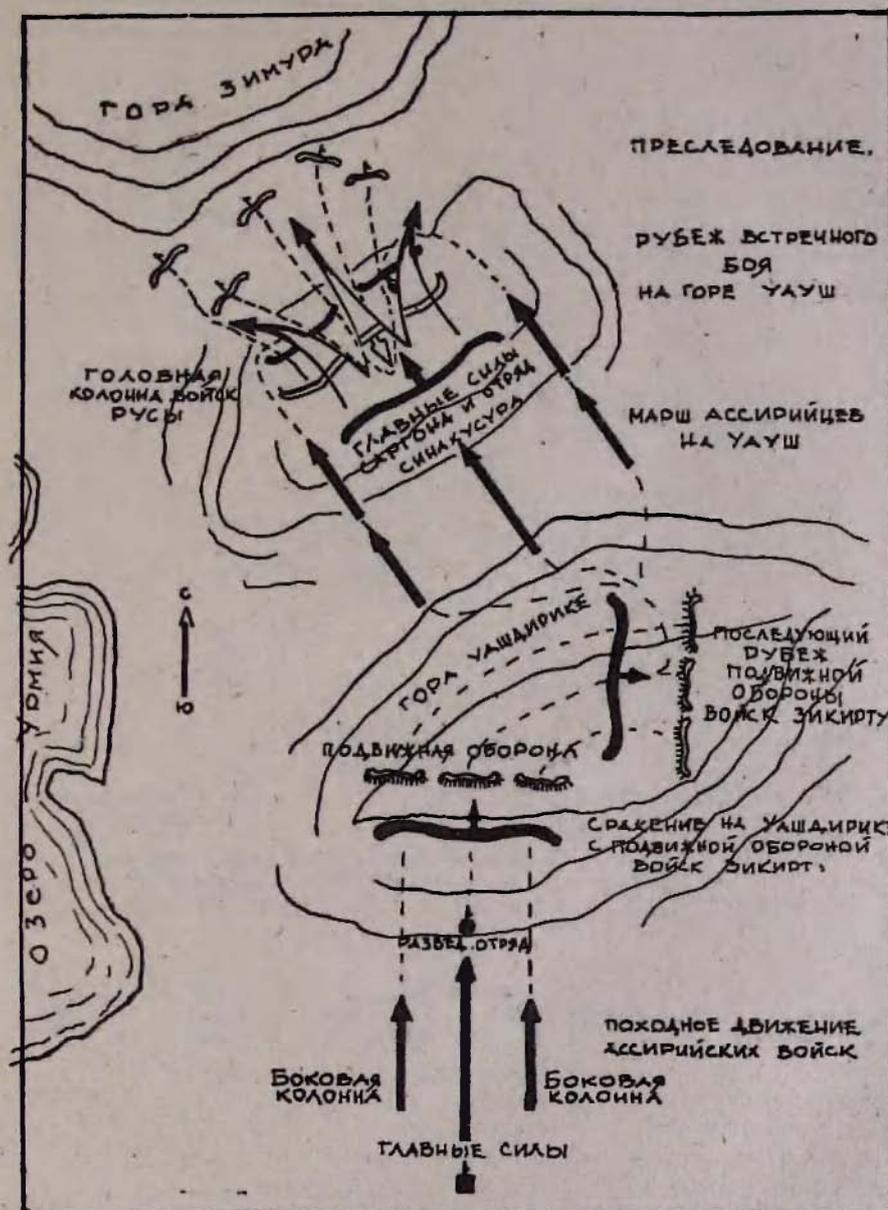

Схема 1

восточном побережье Ванского озера и, следовательно, Саргон II не обогнул Ванского озера с севера, поскольку в этом случае он должен был встретить на этом побережье не только одну лишь область Айаду, что вполне убедительно. Ход его мыслей мож-

¹⁷ Г. А. Меликишвили, Наир-Урарту, Тбилиси, 1954, с. 33—34.

но продолжить. Вряд ли на территории от Айаду, на каком бы берегу Ванского озера она ни находилась, до Уайаис, т. е. до «конца пределов Урарту», ассирийцы, в этой центральной части Урарту, не встретили бы ничего примечательного. Г. А. Меликишвили считает, что эта область находилась на южном или восточном берегу Ванского озера и там же, следовательно, дислоцировалась Уайаис. При этом, не соглашаясь с Туро-Данженом и отвергая предложенный им маршрут, Г. А. Меликишвили задается вопросом, почему Саргон II после столь блестящих побед должен был отказаться идти в центральную часть Урарту, идя по периферии, т. е. обойдя Ванское озеро с северной ее стороны. Но все дело, как нам кажется, в том и заключается, что никаких блестящих побед в стратегическом плане у ассирийцев не было. Более того, в данной ситуации Саргон II стал проявлять нерешительность и вполне понятную осторожность, которая, как нам кажется, являлась предвестником спада военной активности ассирийцев. Дело в том, что, кроме того, вскоре перед ассирийцами встает и другая опасность, разлагающая армию,—мародерство. Саргон II говорит: «Обширные войска Аш-

Маршрут похода Саргона II в 714 г. до н. э. по Туро-Данжену, по К. Оганесяну.

Схема 2

шура я пустил на все города их, как саранчу: моих быстрых (?) грабителей я пустил в их покоя...», а затем у него говорится: «...на радостях они устроили пир (?) ради возвращения в Ассирию». Все это было задолго до прибытия его войск в область Айаду. Известно, что мародерство, хотя и было очень распространенным явлением в армиях Древнего Востока, но в то же время часто служило помехой их оперативным действиям. В битве под Мегиддо, которую вел Тутмос III, например, египетская летопись фиксирует: «И вот, если бы войско его величества не возымело намерения пограбить имущество врагов, оно бы овладело Мегиддо в этот миг»¹⁸.

Как нам кажется, в данной ситуации, когда ассирийская армия стремилась в свою страну, Саргону II было над чем подумать. А между тем Саргон II, как это видно по его изложению всего похода на Урарту и по разведсводкам, был осторожным и вдумчивым стратегом. Не имея должного представления о данной стратегической ситуации, поскольку ему даже не было известно место концентрации войск коалиции, разумеется, он не хотел испытывать судьбу, подчинив ее опасному риску. В то же

¹⁸ «Хрестоматия...», с. 86.

время знание урартами своей местности, расположения сил и состояния своих крепостей и полевых войск давали им значительные преимущества для обороны перед наступательными действиями ассирийцев. А кроме того, оборона урартов всегда могла бы обернуться контрнаступлением, что тоже, видимо, учитывали ассирийцы.

Можно ли было в такой обстановке направлять свои войска в центральные районы, на северные или южные берега Ванского озера? В такой обстановке, когда войсковая разведка Саргона II оказалась бессильной добыть какие-либо сведения о противнике, грандиозная ассирийская армия, растянувшись в длинную колонну, тем самым рисковала бы подставить свои фланги, а затем и тылы под непредвиденные удары полевых армий урартов. Ведь именно в такой ситуации была разбита египетская армия Рамсеса II под Кадешом, когда его войска Ра совершали марш, а хетты тем временем прорвали походную колонну в ее средней части и, не дав ей возможности развернуться для боя, окружили также и войска Амона и самого Рамсеса II¹⁹. Именно такие соображения должны были удерживать ассирийцев от проникновения в глубь Урарту.

Надо полагать, Саргон II понимал, что захват 260 человек вельмож, а также разгром покинутых городов и сел вовсе еще не означал, что армия Русы I была разбита, и она не могла бесследно исчезнуть, а скорее всего находилась в стратегическом сосредоточении. Именно такая ситуация, причем во многом смутная для ассирийцев, удерживала их от активных оперативных действий.

Суммарные результаты последних операций позволяют заключить, что ассирийцы в конечном счете отказались от решительных действий. Бесплодные тактические действия ассирийцев в этой части страны не соответствуют оперативным действиям их армий вообще. Более того, ассирийцы стали проявлять явную нерешительность в своих действиях. В конечном счете такая ситуация явилась предвестником свихения всего их военного потенциала. Между тем нет никаких оснований думать, что стратегическая обстановка для них сложилась невыгодно, скорее всего можно говорить об обратном. Их армия после уаушской операции добилась значительного преимущества в тактическом плане, не имела ощутимых потерь в численном составе, следовательно, сохраняла боеспособность.

Разумеется, на расстоянии почти трех тысячелетий трудно без достаточных исторических фактов найти этому явлению позитивное объяснение. Но в то же время, по нашему убеждению, суммарные определения результатов разрозненных действий ассирийцев наводят на мысль, что за их осторожными действиями скрывались планы отступления их армий из центральной части Урарту в целях наступления на периферию. Факты, подтверждающие эту версию, определялись действиями ассирийцев: они отказались от осады и штурма Тушпы и даже крепости Уайанс, к которой подошли вплотную.

Все стало бы понятным, если предположить, что страна Айаду с крепостью Уайанс, хотя и действительно находилась на берегу моря, как это сообщает Саргон II, но не Ванского, как считают Леман-Гаупт и Тюро-Данжен, а Урмийского озера или где-то между ним и Ванским озером. Следовательно, маршрут Саргона II в 714 г. до н. э., после того как он обогнул Урмийское озеро с северо-западной его стороны, был направлен прямо на юг, а не в сторону Ванского озера.

С другой стороны, тактики выжидания удара придерживалась и урартская сторона. Какими же были ее стратегические планы? Здесь весьма важно одно сообщение Саргона II о том, что Руса I «отверг от уст своих хлеб и воду, неизлечимый недуг на себя повел он»²⁰. Эту болезнь Русы I он связывает с пленением ассирийцами статуи верховного бога страны Халди из мусасирского храма. Между тем, ситуация более проясняется его сообщением о «неизлечимом недуге» Русы I. Действительно, после уаушской операции Руса I нигде не фигурировал как участник полевых битв. А это означает, что в самом разгаре ассиро-урартской войны, при продвижении ассирийских войск в глубь страны, он отходит от активного руководства боевыми действиями ар-

¹⁹ Там же, с. 122.

²⁰ Г. А. Меликишвили, указ. соч., с. 295.

мин до самого конца войны. Вероятно, он болел долго, поскольку даже после войны Саргон II запрашивает своего агента Ашшуррисуи о состоянии здоровья Русы I²¹.

Итак, армия урартов осталась без Русы I, а после недавней борьбы с центробежными силами в стране—п без Каккадану и многих других военачальников, а в уаушскую операцию, кроме того, была пленена основная верхушка армии. В результате дело командования урартской армией, видимо, значительно усложнилось и утратилась возможность централизованного руководства ею. С другой стороны, полководческая мудрость Саргона II не привела к цели и его армию, которая оказалась скованной крайней осторожностью его решений и в конечном счете стала пассивной.

И ассирийцы, выгодно использовавшие время, развернули наступательные действия. Они начали Мусасирскую операцию. Хотя де-юре Мусасир являлся независимым как от Ассирии, так и Урарту царством, что хорошо обосновано самим Урзаной, некоторыми его изложениями своей позиции, все же его контакты с Урарту были более тесными, если уж не говорить о том, что в данную войну он составил с ним коалицию. Примечателен один факт. Когда в довольно определенной и даже в повелительной форме один из государственных глашатаев Ассирии передает Урзане требование, что «без разрешения ассирийского царя никто пусть не приступает к обряду», он в весьма категоричной форме дает отрицательный ответ с достоинством независимого правителя²². В связи с непокорностью Урзаны Саргон II, не тая гнева, решил отомстить Урзане. Между тем здесь примечательна одна деталь, которая, быть может, характеризует всю политическую устремленность Саргона II в мусасирской проблеме. Дело в том, что он обходит молчанием в своих характеристиках урарто-мусасирский военный союз, по в то же время отчаивается от упомянутой о том, что в Мусасире «...его (т. е. урартского царя) венчают тиарой владычества, дают ему носить скипетр царства Урарту». Похоже на то, что Саргон II путем овладения религиозным центром урартов—Мусасиром—стремится хотя бы косвенно и формально приобщиться к покровительству коронации урартских царей, что дало бы ему определенную, хотя бы формальную политическую привилегию над Урарту. Забегая вперед, можно задать вопрос, не потому ли он торжественно провозгласил пленение в Мусасире скульптуры верховного бога Халди. Не означала ли эта его трактовка Мусасира гибель урартской святыни?

Итак, разгневанный Саргон II держит путь на Мусасир. Тактические формы этой операции говорят о полной перемене образа оперативных действий. Грандиозная ассирийская армия взяла курс в свою страну. Это не было демонстрацией отступления побежденного войска. Ассирийцы действительно уходили. Но в то же время этим отступлением Саргон II глубоко усыпил бдительность урартской разведки, прикрыл свой другой стратегический маневр—наступление на Мусасир. Идущая на этот город армия была весьма малочисленна, представляя собой отряд всего лишь в 1000 человек во главе с Саргоном II. Однако его присутствие в этом отряде уже говорит о важности данного мероприятия. При этом отступление совершалось демонстративно, наступление— скрыто, что было вызвано тактической целесообразностью.

Направляясь в Мусасир, ассирийцы шли труднопроходимыми горными тропами, по неведомым путям. Шли через овраги, пересекая бурные реки, местами открывая пути, по которым даже после этого не могла пройти единственная колесница царя. Так Саргон II подошел к Мусасиру. Урзаны в городе не оказалось, как и не было там и его войск. Саргона II встречают лишь испуганные старики и старухи, горько плачущие от страха на крышах своих домов. Надо полагать, что Саргон II предварительно был осведомлен о том, что Урзаны нет в Мусасире, как и нет там его войск. Это вполне возможное предположение, поскольку даже из его текста, хотя и с пробелами, явствует, что он заранее приказал своим военачальникам принять меры, в том числе, «чтобы он не уклонился», т. е. не сбежал. Надо полагать, нужная ему информация дошла до него еще по пути в Мусасир. То обстоятельство, что в

²¹ АВИИУ, § 50.

²² Там же.

Мусасире все оставалось на своих местах, и даже семья Урзаны, кроме его самого и армии, явное свидетельство тому, что мусасирская армия находилась в едином стратегическом сосредоточении силами коалиции. Но поскольку Мусасир оставался без военного прикрытия, можно полагать, что это было связано с намерениями коалиции основной бой вести в средней части страны. А, может быть, это было связано и с верой Урзаны в неприкосновенность города, которая ему обеспечивалась божественным покровительством Халди, последнего чтили и сами ассирийцы.

Но так или иначе с высоты своих религиозных позиций Урзана явно не узрел, что поражение древневосточных армий на полях битв в равной мере разделяли и их боги. Как видим, и за Мусасир не было битвы, но здесь имел место в весьма грандиозных масштабах обычный разбой. Саргон II вывез из Мусасира не только скульптуру Халди и других богов, но и огромное количество оружия и богатств, список которых зафиксирован в его «Луврской табличке». Примечательно, что в числе захваченного оружия отмечаются: 25212 медных щитов, 1514 медных дротиков и 30541 меч. Такое вооружение, разумеется, было предназначено для мощной армии, способной не только к пассивной обороне, но и к наступательным операциям.

Таким образом, наличие соответствующего военного потенциала, но не согласованных и не предусмотренных военных действий коалиции в отношении Мусасира дало ассирийцам большой военный и моральный перевес. Надо признать, что совершенно безрезультативной оказалась в этот период как войсковая, так агентурная разведка урартов. Все дело в том, что Руса I узнал о погроме Мусасира как об уже свершившемся факте, в чем надо усмотреть безусловный просчет этой разведки. Однако здесь приходится считать, что с проявлением хорошо скрытых форм тактического маневра, предпринятого Саргоном II, этим незаурядным полководцем древности.

Выводы об ассиро-урартской войне 714 г. до н. э., которые должны достоверно соответствовать историческим фактам, в данном случае во многом обречены на зависимость от ассирийских источников. Кроме того, в результате имеющихся пробелов в этих источниках многие суждения в поисках нужных аргументов часто выводятся на основании догадок.

Итак, в войну 714 г., судя по ассирийским источникам, урартская армия не была разгромлена. На это указывают и послевоенные взаимоотношения данных стран²³. Однако спокойствие в их отношениях было вынужденным и показным. Об этом говорит продолжающаяся перетасовка межгосударственных сил в виде тайных заговоров, в которых по-прежнему участвует Урарту против Ассирии. Известно, например, что Муталлу Куммухский в своем заговоре против ассирийцев был в союзе с царем Урарту Аргишти II. Саргон II даже предпринимает поход против этой страны, о чем рассказывает он в своей «торжественной надписи». А по донесению Упаххир-Бела Саргону II видно, что «от поселения к поселению до самой Турушпы они (урарты — К. О.) построены в боевой порядок». Таким образом, урарты создали активную эшелонированную оборону на всю глубину страны до самой столицы — Тушпы. Кроме того, ассирийская разведка донесла, что прибывший от Аргишти II гонец передал приказ царя «относительно работы, о которой я дал тебе приказ: этой работы не делай, корми своих лошадей»²⁴. Хотя подлинный смысл этого распоряжения для нас остается предположительным, но сама его суть сводится к тому, что Аргишти II приостановил выполнение приказа о какой-то военной операции. Весьма примечательно и другое письмо Упаххир-бела Саргону II. Из этого письма прежде всего видно, что урартский пограничный областеначальник — личность, завербованная ассирийцами. Имею потому они обращаются к нему с определенными требованиями. Но областеначальник отклонил предъявленное им обвинение, указав на то, что в то время как урарты соблюдают мир, ассирийцы захватывают их укрепления. И свои действия — отпор ассирийцам — он расценивает, видимо, как вынужденные, объясняя это как свои служебные обязанности, поскольку он ведал войсками пограничных отрядов, нацеленных на эти вылазки ассирийцев: «Почему мы

²³ АВВИУ, § 50 (32, 33).

²⁴ Там же, § 50 (34).

соблюдаем мир, а вы захватываете наши укрепления? Что же я могу сделать? Если я согрешил против ваших границ или против ваших укреплений, то в моей руке песок (?)». Может быть, войска? Далее в письме говорится: «Его войсковые отряды собраны. Он несет охранную службу в Харде»²⁵.

Итак, эти пограничные споры между Урарту и Ассирией уже сами по себе говорят о создавшемся равновесии противоборствующих сил, которые теперь вынуждены были свое превосходство определять дипломатическими аргументами, а не натянутой тетигой.

Война 714 г. до н. э. на полях битв закончилась, а после нее стал соблюдаться нейтралитет. Но в то же время скрытая вражда между ними давала о себе знать. С обеих сторон строятся пограничные укрепления, а закулисные переговоры с областеначальником пограничного урартского района не оставляют сомнений в том, что существующая напряженность вовсе не разряжалась, а нейтралитет являлся лишь бременем в их внешних сношениях. Может быть, эти причины имели другую подоснову. Ведь спустя всего лишь несколько лет, начиная с 702 г. до н. э., Ассирия была озабочена войнами за Вавилонию против Иудейского государства, Элама и др.²⁶ Возможно, это и было причиной вынужденного, замаскированного нейтралитета в отношениях с Урарту, дававшего свободу действий по подготовке к этим войнам.

Итак, совокупность всех этих явлений и фактов говорит о том, что ассиро-урартская война 714 г. до н. э. по своей сути являлась актом огромного военно-политического значения.

Մ. Թ. Ա. 714 Թ. ԱՍՍՈՒՐԱԿԱՆ ԱՐՇԱՎԱՆՔԸ ԴԵՊԻ ՈՒՐԱՐՏՈՒ

ԿՈՆՏԱՆՏԻՆ ԶՈՎԶԱՆՆԻՍՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Մ. Թ. ա. 714 Թ. Ասորեստանի Ուրարտու կատարած արշավանքի մասին հիմնական տեղեկությունները հաղորդում են ասսուրական արձանագրությունները, որոնք հավաստում են Ուրարտուի ջախջախումը այդ արշավանքի ընթացքում: Այս տեսակետը առ այսօր գերիշխող է ժամանակակից պատմական գրականության մեջ: Սակայն, հենց ասսուրական հետախուզական տվյալները, որոնք այդ արշավանքի ռազմական բոլոր իրավիճակները ներկայացնում են բացարձակ ճշտությամբ, մեզ բերում են այլ հզորակացությունների: Արշավանքի միակ ճակատամարտի ընթացքում, որը տեղի ունեցավ Ուաուշ լեռան շերջակայքում, գերվեց ուրարտական բարձրաստիճան հրամանատարությունը, որից հետո ուրարտական բանակը նահանջեց երկրի խորքն ու անցավ օպերատիվ կենտրոնացման ոլորտը՝ ասորեստանցիների համար անհայտ տարածքներում: Նման պայմաններում Ասորեստանի Սարգոն II թագավորը անկարող եղավ ձեռնարկել ակտիվ գործողություններ և մնաց պասիվ վիճակում: Այս իրավիճակում Ասորեստանի բանակը ավերում ու ոչնչացնում էր անպաշտպան ու լքված բնակավայրեր ու ռազմական բերդեր, միևնույն ժամանակ խուսափելով մարտի բռնվել այն բերդերի հետ, որոնցում կայազոր կար: Ի վերջո, Ուրարտուի կենտրոնական մարզերում, կատարած մի շարք ապարդյուն տեղաշարժերից հետո Ասորեստանի բանակը նահանջում է իր երկիրը, իսկ Սարգոն II-ը թվով 1000 մարտիկների հետ շարժվում է դեպի Մուսասիր, ուր ավերում ու կողոպտում է այդ, նույնպես անպաշտպան, քաղաքը: Դրանից հետո էլ, ինչպես կարելի է կռահել ասսուրական հետախուզական փաստաթղթերի բովանդակությունից, Ուրարտուն հանդես չէր գալիս որպես պարտված երկիր: Ավելին, նրանում տեսանելի են նրա մարտունակությունը արտահայտող մի շարք փաստեր:

²⁵ Там же, § 50 (35).

²⁶ Н. В. А р у т ю н я н, указ. соч., с. 317.